
Т. А. ЖДАНКО

ПРОБЛЕМА ПОЛУОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА *

Этнографическая наука давно уже переросла тот уровень, когда все народы Средней Азии и Казахстана упрощенно делились на кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев, резко противопоставлявшихся друг другу; создателями древней среднеазиатской культуры считались лишь земледельческие народы, хотя и они, по мнению многих историков и этнографов, создавали цивилизацию не самостоятельно, а заимствовали ее из Ирана, Индии, Китая и арабских стран. Что же касается кочевников-скотоводов, обитателей обширного пространства пустынь, полупустынь и степей, гигантским полукольцом охватывающих с севера, запада и юго-запада среднеазиатские оазисы,— то историческая миссия этих племен и народов рассматривалась обычно как отрицательная, губительная для судеб среднеазиатской культуры вследствие постоянных жестоких военных нападений на земледельческие области Средней Азии «варваров»-кочевников, разрушавших города, ирригационные сооружения, опустошавших селения и истреблявших жителей. Некоторые авторы были склонны рассматривать весь исторический процесс в странах Востока как извечную враждебность и борьбу «степи и оазисов».

Доказательством сравнительно широкого распространения такого рода концепций в дореволюционной литературе может служить следующая цитата из многотомного географического труда «Россия», издававшегося в 1900-х годах под руководством видных ученых, деятелей Русского географического общества: «...едва, под влиянием более счастливых условий, в Туркестане начинали проявляться слабые признаки культуры, как новые волны полудиких кочевьяков заливали страну, сметая все на своем пути и обращая цветущие оазисы в мертвые пустыни. Так протекали века и тысячелетия в борьбе кочевых элементов с непонятною и ненавистною им оседлою культурой, в борьбе между варварским Тураном и сравнительно просвещенным Ираном»¹.

В настоящее время подобные взгляды на историческую роль степных племен сохранились лишь в зарубежной литературе, притом преимущественно у наиболее реакционных историков, упорно продолжающих рассматривать историю народов Средней Азии как «историю постепенного завоевания и разрушения великой иранской цивилизации варварскими тюркскими племенами»².

* Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада автора на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (август 1960 г.)

¹ В. И. Масальский, Туркестанский край, «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1913, стр. 273.

² R. Pipes, Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects, «The Middle East Journal», Washington, т. 9, № 3, 1955, стр. 306.

Развитие исторической науки, в частности в академиях наук и других научных учреждениях Средней Азии и Казахстана, позволило поднять новые фонды архивохранилищ, ввести в научный оборот многочисленные нарративные восточные источники, широко поставить и провести на высоком научном и техническом уровне археологические раскопки в степях, пустынях и горах, прежде трудно доступных ученым-археологам, детализировать и уточнить наши знания о быте и культуре народов Средней Азии и Казахстана путем этнографических работ, которые стали проводиться методом сплошного историко-этнографического обследования целых областей и республик.

Эти научные работы дали возможность глубже и разностороннее изучить важнейшие теоретические проблемы истории и этнографии Средней Азии и Казахстана, в частности проблему истории взаимоотношений степных племен и народов с оседлыми земледельцами. Благодаря археологическим исследованиям не только доказана самостоятельность и самобытность развития культуры оседлых народов Средней Азии с древнейших времен, но и рухнула пресловутая буржуазная «теория» о «дикости» и «бескультурии» степных народов. В научной литературе появились серьезные труды, посвященные истории архитектуры и искусства казахов, киргизов, туркмен³. Не подлежат сомнению культурные взаимовлияния между земледельческими и степными народами; на археологических материалах из центров среднеазиатской цивилизации с древнейших времен прослеживается сильное влияние своеобразных форм культуры и искусства «варварских» степных племен.

Стал уже неоспоримым тот факт, что в основе взаимоотношений «степи и оазисов» на протяжении многовековой истории лежали мирные хозяйственные связи. Эти связи были обусловлены общественным разделением труда, возникшим еще на грани зарождения классового общества в результате выделения из комплексного хозяйства, характерного для первобытно-общинного строя, кочевого скотоводства как особой отрасли хозяйства. Кочевники-скотоводы не могли существовать изолированно от земледельческого населения; между ними издревле установилась регулярная торговля, практиковался обмен продуктами скотоводства на хлеб и ремесленные изделия⁴. Центрами ее были стоявшие на караванных путях города и крупные ремесленные поселения, развалины которых, относящиеся к эпохе античности и средневековья, обнаружены теперь не только в оазисах, но и в глубине степей и пустынь.

Выяснилось, что роль в историческом процессе пресловутых «разбойничьих» нападений кочевых орд на земледельческие оазисы сильно преувеличена. Вторжения кочевников, разумеется, были, они большей частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить экономическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани. Однако эти военные нападения чередовались с длительными периодами

³ См., например: А. Х. Маргулан, Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950; А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов, Архитектура Казахстана, Алма-Ата, 1959; А. Н. Бернштам, Архитектурные памятники Киргизии, М.—Л., 1950; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Архитектура туркменского народного жилища, Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953, и др.

⁴ «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955 (выступления на сессии В. С. Батракова, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова); см. также: В. С. Батраков, Хозяйственные связи народов с Россией, Средней Азии и Китаем, Ташкент, 1958.

мирных связей; как правильно отмечал известный советский историк среднеазиатского средневековья А. Ю. Якубовский, «всюду, где в феодальную эпоху по соседству жили земледельческие и кочевые общества, военные набеги за добычей сменялись мирным торговым общением. История Средней Азии, Монголии, Китая полна фактами этого рода»⁵.

Однако едва ли не самым важным достижением в разработке проблемы взаимоотношений кочевых и земледельческих народов является научная дифференциация прежних представлений о кочевом и оседлом населении Средней Азии и Казахстана как двух его этнографических компонентах и выделение третьего этнографического компонента — полуседлого населения.

При том огромном разнообразии географических ландшафтов, которыми отличаются Средняя Азия и Казахстан, у местного населения на протяжении его многовековой истории сложились весьма разнообразные типы хозяйства. Это традиционное разнообразие не исчезло даже в настоящее время, в условиях бурного роста социалистической экономики, технической оснащенности сельского хозяйства и осуществления правительственных мероприятий по изменению неблагоприятных природных условий — орошению пустынь и степей, освоению целины, строительству крупных индустриальных и культурных центров в самых отдаленных и отсталых прежде районах экстенсивного кочевого скотоводства.

Экономгеографы нашей страны, изучая исторически сложившиеся типы хозяйства для научного обоснования хозяйственного районирования, устанавливают для Средней Азии и Казахстана несколько типов сельского хозяйства: два из них относятся к орошаемому интенсивному земледельческому хозяйству, один — к пастбищно-животноводческому (главным образом в пустынях Кара-Кум и Кызыл-Кум, на Памире и Центральном Тянь-Шане), а три — к смешанному типу, сочетающему в той или иной степени земледелие со скотоводством⁶. Наиболее детальную классификацию дает Ю. Г. Саушкин; он выявил на территории Средней Азии и Казахстана 15 типов сельского хозяйства, из которых лишь три скотоводческих (в Западном Казахстане, пустынях Кара-Кум и Кызыл-Кум, на Восточном Памире), а остальные — земледельческие и смешанные, сочетающие земледелие со скотоводством или скотоводство с земледелием⁷.

Известно, что этнографическая наука выработала свой принцип классификации хозяйственной деятельности народов — так называемые хозяйственно-культурные типы; это понятие включает не только экономгеографические признаки, но и обуславливаемые в значительной степени географической средой и направлением хозяйства образ жизни, особенности материальной культуры — видов поселений и жилища, средств передвижения, пищи и т. д.⁸.

Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, впервые выявленные и описанные С. П. Толстовым в его курсе лекций по этнографии Азии в МГУ⁹, в настоящее время в связи с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана изучаются в

⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М., 1950, стр. 28.

⁶ «Экономическая география СССР», под ред. Г. Н. Черданцева и др., М., 1947, стр. 279.

⁷ Ю. Г. Саушкин, Географические очерки природы и сельскохозяйственная деятельность населения в различных районах Советского Союза, М., 1947, стр. 13—16, 273—421.

⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 4—5.

⁹ Классификацию С. П. Толстого см. в издании Ин-та этнографии АН СССР «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», М., 1959, стр. 163—164.

настоящее время более детально на этнографическом материале XIX — начала XX в. При этом выясняется, что из тринадцати природно-хозяйственных зон в дореволюционный период в шести преобладал хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев, в трех — хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов, часть которых знала примитивное нерегулярное земледелие, как поливное — лиманное, родниковое, булачное, так и богарное. И, наконец, большую группу — четыре природно-хозяйственные зоны — составляют территории с преобладанием культурно-хозяйственного типа полусседлых земледельцев и скотоводов, занимавшихся нерегулярным поливным каирным и лиманным земледелием в сочетании с пустынным пастбищным скотоводством, а зачастую и с рыболовством. Полуоседлое население располагалось на окраинах земледельческих оазисов (Хорезмского, Бухарского, Ташкентского, Мургабского и др.) и в низовьях и дельтовых областях среднеазиатских рек — Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Таласа, Чу и др. Другая группа полуоседлого населения занималась богарным и мелкооазисным «очаговым» поливным земледелием в сочетании с горно-пастбищным или отгонным скотоводством в районах предгорий, горных склонов и плоскогорий Средней Азии и Казахстана.

Уже сейчас при рассмотрении этнографического облика отдельных народов Средней Азии и Казахстана с точки зрения особенностей их хозяйственного уклада можно с полным основанием отметить, что тип полуоседлого хозяйства еще до присоединения этих народов к России, оказавшей большое влияние на рост земледелия и оседлости, был присущ в той или иной степени каждому из этих крупных народов: он встречался даже у древнейших земледельцев-таджиков (например, таджики-хардури и др. — в Байсунских и Кугистанских горах южной Узбекистана)¹⁰, имелся, как известно, у части узбеков (так называемые полукочевые группы в северном Хорезме, в Бухарском ханстве, в Самаркандской области и др.), имел довольно значительное распространение, наряду с кочевым и оседлым хозяйством, у казахов (в Семиречье, в долине Иртыша, у берегов Зайсана, на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи, на северных окраинах Хорезмского оазиса, в северо-западных районах Казахстана — в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы и др.). Развито было земледелие в сочетании со скотоводством и у некоторых групп киргизов (в Ферганской долине, Иссык-Кульской котловине, в бассейнах рек Чу и Таласа и др.). Комплексный тип хозяйства был органически присущ туркменам, с давних пор сочетавшим скотоводство с земледелием, подразделяясь на «чарва» и «чомуров»; в особенности же он был характерен для каракалпаков, у которых имел наиболее глубокие корни, сохраняя в XIX — начале XX в. в виде пережитков многие черты пастушеско-рыболовческо-земледельческого типа хозяйства древнейших племен Приаралья.

Можно сказать, что в результате новейших исследований кочевнический мир как бы дифференцируется, в нем все с большей отчетливостью выявляется облик полуоседлого населения и выясняется его историческая роль. Многочисленными данными подтверждается известный тезис К. Маркса: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹¹. Сейчас уже невозможно схематическое деление населения Средней Азии и Казахстана лишь на «чистых» кочевников или земледельцев. «По-видимому, — писал

¹⁰ См.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVII, М., 1957, стр. 18—19.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 73.

еще в 1930-х годах С. П. Толстов, — «...элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство»¹².

Главными этнографическими чертами, общими для разных групп полуседлого населения Средней Азии и Казахстана, можно считать: комплексный тип хозяйства — сочетание слабо развитого, экстенсивного поливного и богарного земледелия со скотоводством, а в некоторых районах и с рыболовством; натуральный характер хозяйства: товарность его меньшая, чем у кочевников-скотоводов, легко передвигающихся со своими стадами на большие расстояния — к оазисам и торговым городам; оседлость неустойчивая; основной вид жилища — юрта, в которой живут и зимой; иногда юрта сочетается с постройками оседлого типа; в утвари сильны черты кочевого быта. То же можно сказать и о пище (виды и способы приготовления молочных продуктов). В домашних промыслах повсеместно развито ковроткачество. Для общественной и семейной жизни полуседлых племен было характерно не менее устойчивое, чем у кочевников, сохранение пережитков родоплеменного деления и патриархально-родового быта. В аульной общине — скотоводческой и земельно-водной — сильны пережитки родовой общины. Формы эксплуатации в XIX — начале XX в. патриархально-феодальные¹³.

По своему общему социально-экономическому уровню полуседлое население в этот период далеко не всегда представляло собой среднюю, переходную ступень между отсталыми кочевниками и жителями оазисов; в большинстве случаев население с таким хозяйственно-бытовым укладом было на одинаковом уровне развития с кочевыми скотоводами или даже отставало от них, так как не только в XIX и начале XX в., но и значительно ранее специализированное товарное кочевое скотоводство составляло отрасль хозяйства преимущественно зажиточной прослойки кочевников¹⁴ и в своей основе было более прогрессивным экономически по сравнению с полуседлым комплексным хозяйством. Несмотря на многие общие этнографические черты, полуседлое население Средней Азии и Казахстана неоднородно и по историко-этнографическому признаку делится на две большие группы. К первой из них относятся переселившиеся из степей кочевники-скотоводы, осевшие в культурной полосе оазисов и примыкающих к ним районов. Обычно, когда говорят о полукочевом (полуседлом) населении, подразумевают именно эту группу; она наиболее известна по исторической литературе. Крупные и мелкие родоплеменные группы, пришедшие из соседних степей, существовали среди оседлых земледельцев, начиная с древнейших времен. Во многих случаях это были завоеватели, селившиеся на уже освоенных поливных землях и постепенно перенимавшие ирригационные и земледельческие приемы окружающего населения, переходя к постоянной оседлости (например, узбеки северного Хорезма — потомки дештыкыпчакских узбеков). Вероятно, среди пришельцев были и полуседлые племена, которым их хозяйственные навыки помогали быстрее перейти полностью к оседлости и земледелию. У других же этнографических

¹² С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия ГАИМК», вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 171.

¹³ Т. А. Жданко, Аульная община у каракалпаков, «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период» (цит. выше); ее же, Патриархально-феодальные отношения у полуседлого населения Средней Азии (доклад), «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов», Ташкент, 1958, стр. 628—638.

¹⁴ С. П. Толстов, Города гузов (Историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 89, 100; егo же, Выступление на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, «Материалы объединенной сессии...», стр. 554—555; В. С. Батраков, Хозяйственные связи кочевых народов..., стр. 17 и др.

групп переходный период постепенного оседания затянулся на несколько веков, и они до недавнего времени продолжали вести полuosедлый образ жизни. К таким группам относятся потомки средневековых дешти-кыпчакских племен (локайцы, кыпчаки, дурмены и др.) и даже более древних тюркских племен, известные нам среди узбеков (этнографические группы тюрк, карлук, барлас и др.). По своему образу жизни и общему этнографическому облику они значительно отличались от узбеков (сартов) — потомков древнего населения оазисов и хранили многие кочевнические традиции в культуре и быту.

К этой же первой группе можно отнести оседавших на окраинах оазисов бедняков-казахов, имевших мало скота или совсем его не имевших. История их оседания ко времени Октябрьской революции насчитывала не сотни, а лишь десятки лет. Это так называемые джатаки, переходившие к земледелию вследствие того, что они оставались без скота в результате острой имущественной дифференциации казахского кочевого аула, главным образом в XIX — начале XX в.

Однако у казахов была и другая, более древняя группа полuosедлых «джатаков», хозяйство и быт которых ближе соответствовали историческому значению этого средневекового термина¹⁵.

Ко второй, основной и более многочисленной группе полuosедлого населения относятся: большинство туркмен, каракалпаки, узбеки-аралы и часть присырдарьинских казахов — потомки племен и народов, у которых этот хозяйственно-культурный тип преобладал на протяжении всей их дооктябрьской истории: в древности, раннем и позднем средневековье. Жители пустынь и степей, приозерных районов и побережья степных рек, пустынных обширных дельтовых областей унаследовали архаические традиции комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного хозяйства, возможно, еще от здешнего населения эпохи бронзы. Это исконные земледельцы и столь же исконные скотоводы и рыболовы.

Они владели искусством мелиорации болотистых местностей, умели использовать для поливного земледелия все возможные водные ресурсы: дельтовые протоки, озера, временные водные источники — разливы рек, скопления атмосферных осадков. Но районы их обитания отличались суровыми и изменчивыми природно-хозяйственными условиями, и несмотря на их умение применяться к природе земледелие их было неустойчивым, вызывало необходимость постоянно менять угодья. «Земледелие не делает их оседлыми», писал в начале XIX в. Левшин о присырдарьинских казахах¹⁶. В случае частых стихийных бедствий (наводнения, изменение течения дельтовых протоков, пересыхание озер и др.) эти кочующие земледельцы переселялись со своими юртами и имуществом в другие местности или переклювались в основном на другие отрасли своего хозяйства, издавна ими так же хорошо освоенные и такие же традиционные: скотоводство, рыболовство.

История туркмен, каракалпаков, присырдарьинских казахов характерна многими примерами, доказывающими динамичность их хозяйственного уклада, умение в случае необходимости переходить от земледелия к скотоводству и, наоборот, от скотоводства к земледелию — в зависимости от природных условий и от исторических судеб, поскольку не только природные бедствия постоянно преследовали их, но и частые посягательства владетелей соседних областей.

Отличительной чертой скотоводства полuosедлых народов была большая доля в их стадах крупного рогатого скота; в полеводстве большое

¹⁵ Махмуд Кашгарский (XI в.) обозначал термином «ятук» (лежащий, оседлый) все полuosедлое население, в частности жителей огузских городов (см.: С. П. Толстов, Города гузов, стр. 56).

¹⁶ А. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 199—200.

значение имела культура проса. Перевозочным средством в придельтовых областях Приаралья служила испокон веков арба, а в пустынях — верблюд и лошадь. Приморские племена туркмен и каракалпаков выработали свои типы рыбацких лодок.

Эта группа полуседлого населения с исконным комплексным хозяйством с точки зрения особого этнографического своеобразия представляет наибольший интерес. Главные районы формирования ее в Средней Азии — Приаралье и северо-восточная Туркмения. В Приаралье, где уже более двадцати лет ведет свои исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР, этот хозяйственно-культурный тип был впервые открыт С. П. Толстовым, описавшим его в работе «Города гузов»¹⁷. Он сопоставил в этом труде новые археологические материалы и наблюдения, сделанные при обследовании городищ Куюк-кала и Куюк-Кескен-кала, расположенных в устье Сыр-Дарьи, близ Казалинска¹⁸, со сведениями восточных авторов XI в. ал-Идриси, Махмуда Кашгарского и других и пришел к заключению, что у аральских племен раннего средневековья, как и у их предков — древних племен, населявших эту территорию, доминировало комплексное хозяйство, а образ жизни был полуседлым. Так, у огузов, наряду с кочевым жилищем, существовали и постоянные укрепленные поселения. Сравнивая свои материалы с имеющимися сведениями о некоторых других «кочевых» народах этого же времени, С. П. Толстов высказал предположение, что близкую аналогию хозяйственному укладу аральских огузов представляли, видимо, хазарское полукочевое земледелие, сочетающееся с рыболовством, хакасское (енисейско-кыргызское) ирригационно-земледельческое хозяйство и др. Наиболее ярким этнографическим реликтом этого древнего хозяйственного уклада в Средней Азии, по его мнению, является традиционный тип хозяйства каракалпаков¹⁹.

Со времени первых авиаразведок и обследования приаральских «болотных городищ» Хорезмской экспедицией прошло пятнадцать полевых сезонов ее работ, и за этот период значительно обогатились археологические материалы, характеризующие быт степных племен Приаралья. Изыскания велись как в нынешних дельтовых областях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, так и в районах сухих древних русел этих великих среднеазиатских рек — на Дарьялыке, Узбое и в Сарыкамышской котловине, на Акча-Дарье, Жаны-Дарье, Куван-Дарье и Инкар-Дарье. Многие из этих пустынных районов дважды и даже трижды обследованы археологическими маршрутными отрядами экспедиции; открыто и раскопано множество памятников степных племен разных исторических периодов — от неолита и бронзы до античности, средневековья и более поздних времен, вплоть до XVIII—XIX вв.

Теперь уже не только письменные источники, но и обширный накопившийся археологический и историко-этнографический материал убедительно подтверждают господство полуседлого образа жизни у большинства степных племен Приаралья и историческую преемственность здесь данного типа хозяйства и быта. Традиции примитивного комплексного хозяйства эпохи бронзы передаются «варварским» полукочевым сако-массагетским племенам эпохи античности — носителям кокча-тенгизской культуры²⁰ бассейнов низовий Акча-Дарьи и древней Жаны-Дарьи апасиакам, строившим своеобразные крепости, поселения и величественные погребальные сооружения (Чирик-рабат, Бабиш-

¹⁷ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 70—71, 99—100.

¹⁸ Там же, стр. 57—70.

¹⁹ Там же, стр. 75.

²⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 109.

мулла, Баланды²¹), а также тохарам, создавшим у берегов Куван-Дарьи так называемую джеты-асарскую культуру с характерными для нее большими общинными домами, в кирпичные стены которых клали для укрепления кости крупного домашнего рогатого скота и лошадей; в этих домах найдено множество заполненных просом хозяйственных ям, зернотерки, рыболовные крючья, грузила от рыбачьих сетей²².

Для следующего хронологического периода — первой половины и середины I тысячелетия н. э., характерны раскопанные экспедицией памятники хионитов-эфталитов; среди них — ставка одного из вождей этих племен замок Барак-там (рубеж IV и V вв. н. э.), возведенный из сырцового кирпича, но с перекрытием и планировкой центрального зала, подражавшими по своей конструкции кочевнической юрте. В замке найдены фрагменты ворсового ковра, по расцветке и технике плетения близко сходного с ковровыми изделиями каракалпаков и казахов. О скотоводческом направлении хозяйства в округе Барак-тама говорит, в частности, оригинальный архитектурный прием расклинки кирпичей сводов вместо керамических черепков костями домашних животных, а о роли земледелия свидетельствуют следы многочисленных поселений, полей и ирригации на огромных такырах в окрестностях этого памятника²³.

Экспедицией исследован и ряд других памятников хионито-эфталитских племен, в том числе Куюк-кала в горах Кушкана-тау, где наряду с кирпичными жилыми домами оказались круглые кирпичные выкладки, на которые, очевидно, устанавливались юрты. Находки, сделанные во время раскопок, говорят о занятиях населения скотоводством, земледелием и ремеслами. Но керамика здесь, как и в барактамских поселениях, не только ремесленная — много фрагментов грубой, лепной, с характерным архаическим прочерченным орнаментом, восходящим к эпохе бронзы, или же с типично кочевническими узорами — стилизованными завитками бараньих рогов и др.²⁴.

На многих городищах этого времени хионито-эфталитские слои перекрыты более поздними, относящимися к тюркским степным полукочевым племенам средневековья.

Кроме укрепленных «городов гузов» (Янгикент, Дженд, Куюк-кала и Куюк-Кескен-кала близ Казалинска), экспедицией обнаружены и исследованы за последние два года в бассейне Жаны-Дарьи крупные сельские поселения огузов (Иркибай, Мурзалы и др.); добытые там материалы говорят о сочетании у огузов земледелия со скотоводством и ремеслами²⁵.

Интересно также поселение XII—XIV вв., открытое в 1959 г. к югу от бугра Уйгарак: это, видимо, развалины небольшого ремесленного центра, с остатками кирпичных домов, следами улиц. К поселению-городку непосредственно прилегают хорошо сохранившиеся каналы и поля, а на большинстве участков этих полей вместо развалин замков-усадеб, которые мы привыкли видеть в средневековом Хорезме, явно обнаруживаются круглые обваловки юрт и следы хозяйственных

²¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 56—58, 98—99; его же, Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим данным, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 143—149.

²² С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической Работы экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 235—252.

²³ Е. Е. Неразик и М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки Барак-тама I в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959, стр. 81—95.

²⁴ Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт, Куюк-кала, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, 1959, стр. 128—142.

²⁵ В 1960 г. экспедицией открыты обширные районы сельских поселений огузов на верхнем отрезке сухого русла Инкар-Дарьи (см. С. П. Толстов; Приаральские скифы и Хорезм, доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960).

помещений полукочевых земледельцев, тюрков-огузов, характерная керамика которых встречается на городище и на полях.

Не менее богатый материал о полуседлых народах накоплен у археологических и этнографических отрядов экспедиции, изучающих историю хозяйства и быта потомков древних и средневековых племен Приаралья — туркмен, каракалпаков, узбеков северного Хорезма и др. Несколько лет на Сарыкамыше продолжалось исследование позднесредневековых (XV—XVII вв.) поселений туркмен племени хыдыр-эли, создавших по склонам Сарыкамышской котловины своеобразные ирригационные системы из глинобитных валов-акведуков с желобами и водоподъемными сооружениями для полива своих полей водами существовавших тогда пресных сарыкамышских озер. На полях здесь сохранились круги от юрт, остатки гончарных, железоплавильных и хлебных печей, жернова и другие предметы быта жителей полуседлых аулов²⁶.

Давно изучаются и более поздние (XVIII — начала XIX в.) памятники земледельцев-скотоводов туркмен и каракалпаков на развалинах их аулов, покинутых из-за пересыхания рек и орошавших поля каналов; ныне эти селения расположены в пустынных местностях близ сухих русел Дарьялыка, Жаны-Дарьи и др. Этот вид поздних памятников исследуется комплексными археолого-этнографическими отрядами экспедиции²⁷.

Наконец, многолетние работы Каракалпакского, Туркменского, Североузбекского этнографических отрядов экспедиции среди современного населения Кара-Калпакской АССР и Ташаузской области Туркменской ССР дали обширные материалы об особенностях полуседлого быта и детальные сведения о конкретных исторически существовавших в XIX — начале XX в. аульных общинах и отдельных семьях, ведших комплексное хозяйство, традиции которого сохранились здесь в силу особых природных и исторических условий. Результаты большинства этих исследований опубликованы²⁸.

Во время полевой этнографической работы в Кунградском, Тахта-Купырском, Муйнакском районах Кара-Калпакской АССР, на Урге, в Караджаре и на островах Аральского моря у местных казахов выявлено много сходных черт хозяйства и быта с каракалпаками и узбеками северного Хорезма. В особенности близкими к каракалпакам по образу жизни и культуре оказались казахи-алимы²⁹.

Несмотря на обширность и убедительность накопленных за последнее время археологических и этнографических данных, важная проблема полуседлого населения безусловно требует дальнейших, более широких и углубленных исследований не только на территории Приаралья, охватываемой работами Хорезмской экспедиции, но и в других районах Средней Азии и Казахстана.

²⁶ С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко, История средневекового Сарыкамышского озера, «Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии», М., 1955 (опиcание ирригации — см. стр. 54—71).

²⁷ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТуркмССР», 1957, № 2; и х же, Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, М., 1958; Б. И. Вайнберг, К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме, «Сов. этнография», 1959, № 5.

²⁸ См.: Труды Хорезмской экспедиции, т. I, 1952; тт. II и III, 1958; «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, 1959; вып. 4, 1960.

²⁹ Т. А. Жданко, Этнографические работы в рыболовецких колхозах на островах южного Арала, Доклад на отчетно-экспедиционной сессии Ин-та этнографии и Ин-та археологии АН СССР в 1959 г. (рукопись).

SUMMARY

The development of historical science and comprehensive ethnographical investigations have resulted in a more profound study of the problem of relationships between the steppeland tribes and peoples of Central Asia, on the one hand, and the population of agricultural oases, on the other. This led specifically to discarding the formerly current view according to which all peoples of Central Asia and Kazakhstan were divided, depending on their way of life, into two groups — nomads and settled agriculturists, sharply opposed to each other; they were supposed to be in a state of permanent conflict. New studies have proved that relations between these two groups were dominated not by conflicts but by close economic and cultural ties. Moreover, another major ethnographic component has been clearly traced — the semi-nomadic population, which from ancient times until recently played an important part in the history of Central Asia.

The main ethnographic features of the semi-nomadic population groups, existing among all Central Asian peoples but particularly widespread among the Kara-Kalpaks and Turkmenians, are a combined type of economy (extensive irrigated or dry farming coupled with cattle raising, and in some areas with fishing); the predominance of a self-sufficient economy; unstable settlement; the main type of dwelling among these population groups was the yurta, sometimes coupled with dwellings typical of the settled population.

The archeological and ethnographic materials of the Khwarizm Expedition, in whose work the author of the present article took part, enable us to gain a better insight into the traditional features of the economy, culture and customs of the semi-nomadic peoples of the Aral Sea area (the Kara-Kalpaks, Turkmenians and some of the Kazakhs), which emerged in the peculiar natural setting of the extensive Amu Darya and Syr Darya delta area in the course of the centuries-long process of their ethnic formation.
